

ДОКУМЕНТАЛИЗМ В ДРАМЕ, ИГРОВЫХ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВАХ

УДК 82/821

ДОКУМЕНТ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПЬЕСЕ ВАДИМА ЛЕВАНОВА «СВЯТАЯ БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ В ЖИТИИ»

© Т.В.Журчева

Статья посвящена первой части исторического диптиха Вадима Леванова «Святая блаженная Ксения Петербургская в житии». Пьеса основывается на свидетельствах о жизни святой Ксении Петербургской, содержащихся в житии. Автор рассматривает исторические и легендарные факты, которые известны из жизнеописания святой. Они соотносятся с направлением мысли драматурга в ходе интерпретации этих фактов. В результате делается вывод о своеобразии характерных для Леванова приемов работы с документом.

Ключевые слова: Вадим Леванов, Ксения Петербургская, пьеса в клеймах, документ, интерпретация.

Пьеса «Блаженная Ксения Петербургская в житии» написана в 2007 году и составила первую часть «исторического диптиха» [1]. Вторая его часть – «Кровавые барыни Дарьи Салтыковой, московской столбовой дворянки, правдоподобное и елико возможно достоверное жизнеописание» – была написана в 2009 году [2]. В центре каждого сюжета – женщины, жившие в одно и то же время и оставшиеся в истории. Одна из них воплотилась в преданиях как юродивая Христа ради, как святая Ксения Петербургская, канонизированная церковью в 1988 году. Имя другой, точнее ее прозвание – Салтычиха – стало синонимом бессмысленной, дикой жестокости, изуверства, превратилось в нарицательное.

Обе пьесы опираются на некие сведения, более или менее достоверные. В случае с Салтычихой сохранились документы, так как она, во-первых, была столбовой дворянкой, представительницей известного рода, а во-вторых, за свои злодеяния предана суду, о чем существуют архивные документы. О Ксении же, как следует из ее жизнеописания, никаких достоверных сведений не сохранилось. Неизвестны даже точные даты ее рождения и смерти: их предположительно определяют, сопоставляя различные легенды о Ксении. Единственным документом может являться только ее жизнеописание, более или менее схоже повторяемое различными авторами.

Вот некоторые сведения, содержащиеся в жизнеописании Ксении. Эта информация почерпнута из двух источников: «Житие блаженной Ксении Петербургской» [3] без указания авторства и книга Наталии Горбачевой «Ксения Петербургская», изданная в серии «Великие пророки», [4]. Информация о Ксении в обоих источниках

почти совпадает, текст местами идентичен. Однако книга Горбачевой претендует на некое исследование: в ней, помимо изложения фактов и перечисления слухов и легенд, которые известны о Ксении, содержатся обширные исторические справки о тех или иных событиях 18 века. Она отсылается к традиции православного юродства, указывает на крайнюю редкость женского юродства, после жизнеописания Ксении и изложения историй ее чудесной помощи людям после смерти автор приводит жизнеописания других известных женщин-юродивых. Таким образом, история Ксении помещается в определенный историко-культурный контекст. Судя по некоторым признакам, Леванов пользовался именно этой книгой. По крайней мере, можно с достаточной долей уверенности предположить, что этот источник был ему не только знаком, но и оказался одним из основных при написании пьесы.

Итак, история Ксении.

Звали ее в миру Ксения Григорьевна Петрова. Дату ее рождения предположительно определяют между 1719 и 1730 годами. О ее семье, о родителях, о воспитании и образовании никаких сведений нет. Однако делается предположение, что она, скорее всего, была дворянкой, так как муж ее, Андрей Федорович Петров, был полковник и придворный певчий. Она прожила в браке около трех с половиной лет, а когда внезапно скончался ее муж, ей было двадцать шесть лет. Утверждается, что брак был счастливым и супруги очень любили друг друга, известно также, что оба были очень набожны. Андрей Федорович перед смертью тяжело болел: скорее всего, у него был тиф. Он был в беспамятстве, но перед смертью пришел в себя, призвал к себе священ-

ника, исповедовался и причастился. И, умирая, сказал жене: «Служи Господу Богу нашему, славь Всеблагое имя Его...» [4: 13].

И далее Н.Горбачева комментирует: «Она перестала жить как жена или вдова полковника, а преобразилась – благодаря откровениям и духовному прозрению – в юродивую рабу Божию Ксению... В одну ночь в душе Ксении совершился удивительный переворот, подобие которому трудно отыскать во всей истории Церкви» [4: 14].

Далее говорится о том, как Ксения уже в мужском наряде, откликаясь только на имя мужа, живет на Петербургской стороне, то терпя поношения и насмешки, то, напротив, пользуясь всеобщей любовью и почитанием. О 45-летней истории юродства Ксении и о бытовых подробностях ее жизни сведений крайне мало. Достоверно известно, что она раздала все свое имущество, несмотря на уговоры и возмущение мужниной родни. Одна из благодетельствованных – жившая у нее на квартире Прасковья Антонова, которой она не только отдала часть своего состояния и свой дом, но и помогла ей, одинокой бездетной женщине, обрести приемного сына. Эта история рассказана якобы со слов самой Антоновой. Говорится, что Ксения часто навещала Антонову, хотя никогда не давала понять и не вспоминала, что это был ее собственный дом. Бывала она также и в нескольких других домах, где ее привечали и кормили. Из бытовых подробностей известно также, что, сносив мужнино платье, она стала носить юбку и кофту, причем обязательно сочетались цвета синий и зеленый. Не носила теплой одежды, не брала милостыни больше, чем в одну копейку («царь на коне»). Она не имела никакого ночлега и ночи проводила в открытом поле в молитвах. Когда это стало известно, долгое время поблизости собирались люди, чтобы поглазеть на нее. Далее следуют разнообразные истории ее пророчеств и помощи людям как при жизни, так и после смерти.

Обратимся теперь к пьесе Леванова, чтобы увидеть, что и как использовал он из этого материала.

К «Ксении» дан подзаголовок – «Пьеса в клеймах», который как бы удваивает особую жанровую природу пьесы, заявленную в самом заглавии, отсылает сразу к двум средневековым жанровым канонам. Но именно соединением этих двух слов – «житие» и «клейма» – канон разрушается, и автор сразу заявляет о своеобразном и уникальном жанровом образовании. Однако заявленный жанр все-таки обусловил достаточно четкую структуру пьесы. Она состоит из 19 фрагментов: пролога, 16 клейм, средника, идущего после 8-го клейма, т.е. точно посереди-

не, эпилога. Кроме того, есть еще эпитафия, начинающий текст, – «кондак, глас третий», а также тропарь, завершающий текст.

В качестве пролога и эпилога даны истории спасительного вмешательства Ксении в дела людей в XX веке, причем выбраны трагические моменты: ленинградская блокада и чеченская война.

В книге Горбачевой приводится два эпизода из военной истории. В одном случае некая женщина в блокадном Ленинграде, очень набожная и почитающая Ксению, увидела ее во сне: та сказала, чтобы женщина не ночевала в своем доме. Та послушалась и спаслась, т.к. в следующую ночь дом был полностью разрушен. Другая история – фронтовая: в ходе боев за Прагу группе солдат, укрывшихся в подвале одного из домов, явилась женщина в белом платке и велела немедленно уйти из этого дома. На вопрос, кто она, сказала: «Я блаженная Ксения Петербургская». Солдаты послушались и тем спаслись, т.к. в дом попал снаряд [4: 5].

Леванов, используя эти и подобные им предания, создает два эпизода. Пролог обращает нас к ленинградской блокаде, что вполне логично в контексте пьесы и соотносится с образом Ксении, прозванной Петербургской.

«Ленинград. 1942 год. Зима. Идет снег. Трупы лежат прямо в сугробах, припорошенные снегом.

Молодая женщина тащит санки с мертвым тельцем ребенка. Женщина падает, лежит неподвижно с закрытыми глазами.

Женщина в красной юбке и зеленой кофте склоняется над ней.

ЖЕНЩИНА. Вставай.

– Кто ты?.. Смерть? Наконец-то!

ЖЕНЩИНА. Нет. Я не смерть. Вставай.

– Нет... Я не хочу... не могу... Я хочу умереть... Нет больше сил...

ЖЕНЩИНА. Нельзя, милая. Вставай.

– Почему?

ЖЕНЩИНА. Не срок тебе.

– Не могу больше! За что?! Зачем Бог от нас отступился?!.. Кругом – смерть!

ЖЕНЩИНА. Вы Его забыли, а не Он вас.

Звуки сирены, предупреждающие о «воздушной тревоге». Где-то, пока не близко, глухо ухают взрывы.

– Нету сил...

ЖЕНЩИНА. Давай милая, давай, помогу, на другую только сторону улицы перейдем... Вставай, милая!

– Оставь ты меня... Мочи нет...

ЖЕНЩИНА. Ничего, родная, я пособлю, пойдем... Нам скорей надо... На другую только сторону улицы...

Женщина в красной юбке почти волоком перетаскивает Молодую женщину и санки с мертвым тельцем на другую сторону улицы.

И почти сразу же на то место, где они только что были, падает авиабомба.

Когда рассеивается дым, Женщины в красной юбке нет.

Молодая женщина стоит одна» [1: 136-137].

Ни имени спасенной блокадницы, ни самопредставления Ксении нет – читатель / зритель не знает, кто эти женщины. О Ксении напоминает только описание ее одежды: зеленая кофта и... красная юбка. В Житии указывается и неоднократно повторяется синий цвет, но не красный. Таким образом, указание на Ксению вроде бы есть, но не прямое, косвенное.

Еще более любопытна история, данная в эпиплоге. Это монолог опять, как и во многих других случаях в этой пьесе, не персонифицированный. Мы легко угадываем тип личности, выраженный в тексте. Но мы не знаем, кто именно этот человек. Хотя сам текст оформлен почти как вербатим, стилизован под живую речь.

«...Мать!.. Она мне, значит, на суровой нитке, с крестиком вместе, маленькая... не знаю, как называется... иконка, наверно... образок типа... с ней, с Ксенией Петербургской... святая там вроде какая-то типа... маленькая такая, серебряная... И, короче, мне, значит, дембель уже подходит... И мать в часть приперлась. Я охренел вообще. Говорю: «Мать! Ты чё? Тут тебе курорт, мля?! Сколько бабла – на дорогу! Я сам через две недели уже дембельнусь!» Ладно, забирает меня на свиданку, идем там в город, жрем че-то... Лимонад, бля... Потом она типа че-то засобира-лась так... Резко так! Я говорю: мать, ты чё? Она: у меня автобус что ли, какой-то чартерный-шмартерный... Я, короче, ничё не понял! А она – свалила. Я еще погулял чуть-чуть и назад – в часть. (*Короткая пауза.*) А там... Чехи всех вырезали. Всех... Все валяются – кишки наружу... У кого горло... у кого вообще... Бл...!..»

У меня чуть башню не снесло на х...!.. Комисовали меня. Я домой приезжаю – рассказываю, а мать говорит: ты чё? Я к тебе не приезжала...

Короче, мать мне потом говорит. Это, мол, она, ну эта святая... Она типа меня спасла...

Хрен его знает, может и так... Главное, что живой, мля! Правильно? Эй, бабуля! Куда свечку-то ставить?» [1: 171-172].

Так пролог устанавливает петербургскую принадлежность Ксении, а эпилог свидетельствует о том, что помощь носит отнюдь не территориальный характер. Это усиливается соответственно эпиграфом и финальным тропарем.

Эпиграф прославляет Ксению – защитницу Петербурга:

Днесь светло ликует град святого Петра,
яко множество скорбящих обретают утешение,
на Твоя молитвы надеющиеся,

Ксение всеблаженная,

Ты бо еси граду сему похвала и утешение.

Кондак, Глас третий [1: 136].

Финальный тропарь – обращение к Ксении за помощью:

Нищету Христову возлюбивши,
безсмертные трапезы ныне наслаждаешися,
безумием мнимым безумие мира обличивши,
смирением крестным силу Божию восприяла.

Сего ради дар чудодейственной помощи стяжавшая,

Ксение блаженная,

моли Христа Бога

избавитися нам всякого зла покаянием (выделено мной – Т.Ж.) [1: 172].

Эти два текста напрямую соотносятся со средником, который представляет собою молитву самой Ксении, обращенную к Богородице ради «христиан всех поможения и заступления»:

«СРЕДНИК. «МОЛИТВА БОГОРОДИЦЕ БЛАЖЕННОЙ КСЕНИИ».

КСЕНИЯ. Безвестныя чистая Богородице Дево, выше еси всех ангел, архангел, всех тварей, едина верным предстательница и покрове от бед и скорбей, честнейше помощница еси обидимых, исцеляющей надеяние, убогих одеяние, больных исцеление, грешных спасение, христиан всех поможение и заступление. Спаси, Господи, и помилуй рабов Божиих ризою твоею честною, защити, умоли, Госпоже, Тебе бессеменного воплатившагося Христа Бога нашего. Да препояшет нас силою свыше невидимые враги наша. О всемилостивейшая чистая Богородице Дево, воздвигни нас из глубины греховныя, избави нас от глады, губительства, от труса и потопа, от огня и меча, от нахождения иноплемнных, и междуусобной брани, от напрасной смерти, от нападения вражея, от тлетворных ветров и смертельныя язвы, от злой порчи, от духов нечистых, от всякого зла. И все наши болезни и страсти исцели, и лютыя обстоянии всех избави, иже на тя упование. Подаждь, Господи, мир и здравие рабам твоим, просвети ум и очи сердечные и души нашии спаси божественными молитвами своими, еже ко спасению сподоби царствия Сына Твоего Христа Бога нашего, яко держава Его непоколебимая, благословенная и препрославленная, со единоначальным Его Отцем, со Пресвятым, Благим и животворящим Его Духом, и ныне, и при-сно, и во веки веков. Аминь» [1: 154].

В этих текстах, создающих своеобразную композиционную раму, символически обозначен путь Ксении от местной юродивой до радетельницы обо всех людях, молящейся о всеобщем благе, и, наконец, до канонизированной святой, к которой самой уже обращена молитва.

Причем, особенно здесь важен именно финальный тропарь, его последние строки:

Ксение блаженная,
моли Христа Бога
избавитися нам всякого зла покаянием.

В нем – ключевой мотив всей пьесы, ее главная идея, то, ради чего драматург взялся за воплощение житийного сюжета.

Это становится очевидно, если хотя бы бегло перечислить содержание всех 16 клейм.

«Смерть»: смерть забрала Андрея Федоровича. Один из голосов, вступающих в диалог с Ксенией (ее собеседники не персонифицированы), сообщает, что покойник умер без покаяния. И именно это особенно поражает Ксению. Предположение об этом высказывается в жизнеописании, но не принимается.

В этом эпизоде видно, как избирательно пользуется автор материалом первоисточника: взяв основной факт – смерть мужа без покаяния, он оставляет за пределами сюжета благочестивую историю о соборовании и предсмертном завещании мужа, которое, как сказано в Житии, и выполняет Ксения, вступив на путь духовного подвига. Автору гораздо важнее то потрясение, которое испытывает его героиня, осознав весь ужас смерти без покаяния. Подвиг Ксении – подвиг любви к мужу. А весь сюжет пьесы – движение ее характера, сложный внутренний процесс преображения и обретения дара вселенской и всечеловеческой любви.

«Преображение»: Ксения появляется в одежде мужа и приказывает именовать себя Андреем Федоровичем и скорбеть о преставившейся Ксении. Близко к тексту повторяется свидетельство из Жития.

«Петербургская сторона»: страдания, которые терпит Ксения, поношения за ее юродство. Она ругает своих обидчиков, гневается на них, обличает. В Житии нет конкретных эпизодов, которые можно было бы соотнести с этими сценами, но есть упоминание о том, что первые годы юродства были для Ксении непростыми, многие относились к ней враждебно.

«Колокольные дворяне»: обличение развратного и жадного попа и его жены. Этого конкретного эпизода тоже нет в Житии, но он, тем не менее, с логикой канонического жизнеописания святой вполне совпадает.

«Злыдни»: история, почти дословно повторяющая историю из Жития. Мальчишки дразнят

Ксению и она, разгневавшись, набрасывается на них, ругается и грозит палкой. Этот эпизод в контексте пьесы очень важен: Ксения здесь предстает живой и очень достоверной. Доведенная до белого каления, она, как обычная женщина, срывается, кричит, шлет проклятья. В Житии рассказ об этом событии сопровождается повествованием о том, как взрослые, напуганные проклятиями, просили Ксению не гневаться и впредь строго следили, чтобы дети ее не обижали, опасаясь, что гнев юродивой падет на их головы и принесет им несчастье. У Леванова вся ситуация выглядит гораздо более бытовой, она как бы приземляет Ксению, напоминает о том, что она человек и ничто человеческое ей не чуждо.

«На паперти»: диалог слепого и безногого. Ксению признают простые, несчастные, обездоленные люди. Она же, сама живущая подаванием, помогает им. В Житии много говорится о том, что Ксения тратила подаваемые ей копейки на нищих, на тех, кто нуждался больше, чем она сама. Леванов разворачивает целую историю, которая позволяет ему не только показать еще одну грань характера своей героини, но дать два любопытных человеческих типа. Таким образом, Ксения помещается драматургом в контекст народной жизни, от которой она неотделима. Автор как бы материализует те слухи, слова, предания, из которых творилась легенда Ксении Петербургской.

«Соглядатаи»: досужие люди глазят на то, как молится Ксения. В качестве соглядатаев показаны представители знати, рассуждающие свысока о несчастной юродивой. Как и в предыдущем эпизоде, автор выстраивает целую историю из одного только упоминания в Житии о том, что поглазеть на Ксению собирались многие жители Петербурга. Это оно из двух клейм, где не участвует сама Ксения, а о ней только говорят. И здесь же звучит из уст одного из зрителей назидание о том, что есть истинная любовь. Это уже начало формирования легенды.

«Катя»: встреча с падшей женщиной, которая была когда-то любовницей покойного Андрея Федоровича, который, оказывается, изменял своей жене, что серьезно противоречит Житию. Вымышленная Левановым Катя не может смириться с его смертью, тоскует, предается отчаянию. Ксения же, узнав об измене, прощает и мужа, и его несчастную возлюбленную. Здесь происходит преображение внутреннее, окончательное избавление от земных искусов и слабостей, духовное возвышение. Недаром именно после этого клейма следует средник. Здесь Ксения окончательно теряет свое земное, плотское, женское. Она Кате представляется Андреем Федоровичем, продолжающим любить ее. Вся сцена ни-

как не соотносится с Житием, но необходима драматургу. Это клеймо – кульминация того внутреннего конфликта, на котором построен характер героини и все действие пьесы. После нее идет своего рода «спад действия» и разрешение конфликта в последнем клейме.

«Мертвый поэт»: встреча с Василием Третьяковым, который, рассказав о своих обидах и страданиях, умирает у нее на руках, прося помолиться о его душе. Эпизод не житейский, авторский. Он необходим не только и даже не столько в контексте этой пьесы, сколько в контексте всего диптиха. Третьяковский высказывает сомнение в возможности точно разграничить добро и зло, что потом отзовется в «Салтычихе»:

«ПОЭТ. Что есмь зло, а что – добро? Ты – ведаешь?! Одному одно – добро есть, а другого для то же – злое зло!» [1: 155].

«Воздвижение церкви»: история из Жития о том, как Ксения по ночам помогала рабочим, нося кирпичи.

«Искус»: встреча с графом Салтыковым, в безумии своем возмнившим себя представителем некоей дьявольской силы. В Житии никаких упоминаний о возможности такой встречи нет.

В этом клейме мне видится своеобразная перекличка со второй частью диптиха. Во-первых, примечательно имя собеседника Ксении – Салтыков. Во-вторых, поведение этого персонажа и идеи, которые он высказывает, позволяют ассоциировать его образ с образом маркиза де Сада, который играет важную роль в сюжете «Кровавой барыни». Мотив эгоизма как причины абсолютного зла – ключевой для второй пьесы. В «Ксении» же он – побочный и обнаруживает себя только в этом эпизоде. Примечательно, однако, что Ксения соглашается принять монету от безумца, провозглашающего себя Агасфером и Иудой Искариотом. Более того – она обещает молиться за его душу.

«САЛТЫКОВ. Так ты всех жалеешь?

КСЕНИЯ. Я грешная душа. Бог – жалостлив» [1: 160].

И завершается это клеймо своеобразным комментарием – диалогом безымянных людей (тот самый Лик – Хор, что обозначен в перечне действующих лиц) о том, что не давший подаяния Ксении обязательно попадет в беду. Именно здесь впервые в пьесе именуют ее блаженной.

«Муж»: встреча с Андреем Федоровичем в некоем пограничном пространстве между жизнью и смертью, его покаяние и понимание того, что есть любовь. Этот эпизод тоже не имеет никакого отношения к каноническому жизнеописанию Ксении, но необходим в художественной структуре пьесы. Именно здесь находит свое логическое завершение

тема любви и впервые объясняется мотив великого подвига Ксении. Мотив, конечно же, религиозный, но и очень женский, человечески понятный.

«КСЕНИЯ. <...> Чем мне было жить без тебя? Я другого ничего и не знала, как мне за тебя перед Богом заступиться? Что я – сирая да слабая, могла еще сделать? Я умерла с тобой и в тебе воскресла. Чтоб ты жил... Чтобы ты Царствие Божье узнал.

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ. Разве можно так любить?..

КСЕНИЯ. А разве еще как можно? Я не ведаю – по-другому как. Не разумею. Ты меня разве не так любил?

<...>

КСЕНИЯ. Просто... я так любила тебя. Это просто! Я любила тебя больше, чем жизнь...» [1: 162-163].

«Марфуша»: встреча с ложной юродивой, спор и примирение. Эпизод отсутствует в Житии, но, как и в других случаях, необходим автору, поскольку в нем развивается мотив любви как воплощения абсолютного добра.

«Сытный рынок»: все стараются угодить Ксении ради собственного благополучия, а она избирательно принимает подаяние. Берет только у тех, кто, по ее мнению, праведно живет. Это клеймо почти дословно повторяет ряд историй, приведенных в Житии, и служит, главным образом, для того, чтобы показать, что Ксения при жизни была признана простыми людьми, среди которых и ради которых совершала свой духовный подвиг.

Этой же цели служит и следующее клеймо «Подкидыш», второе, где сама Ксения не принимает участия: история усыновления новорожденного ребенка. В Житии эту историю якобы рассказывает Антонова, лично знавшая Ксению и унаследовавшая многое из ее имущества. Рассказ дан от первого лица, хотя, скорее всего, так же как и другие, основан не на личном свидетельстве, а на преданиях. В пьесе же историю рассказывает некая безымянная молодая женщина, рассказывает как нечто случившееся с ней самой, но звучит рассказ уже как предание. Ксения становится одним из петербургских мифов.

«Успение»: встреча со Смертью, обретение бессмертия.

«СМЕРТЬ. Знай! Смерти нет. Сказано: Любовь сильна аки смерть. Так и смерть – любовь есть. Для тебя небытия не будет. Жизнью своею в мире сем стяжала ты себе жизнь вечную. Немногим такая благодать даруется – в двух мирах обретаться. Но тебе – дадено. И впредь – всем сирым да убогим, страждущим и просящим – благоволить и сострадать, подсоблять исцелением, предостережением ли...» [1: 171].

В этом мистическом эпизоде завершается центральная для всей пьесы тема любви, которая всеильна. Именно этого и добивался Вадим Леванов, создавая свою сложную и странную с точки зрения драматургической формы пьесу о Ксении Петербургской: утвердить любовь как воплощение абсолютного добра в противовес эгоизму, т.е. нелюбви, что в его представлении становится абсолютным злом в «Кровавой барыне». Решая эту задачу, Леванов творчески работает с первоисточником, подчиняя его себе и выстраивая на его основе свой собственный сюжет.

1. *Леванов В.* Святая блаженная Ксения Петербургская в житии. Пьеса в клеймах // Вадим Леванов.

Пьесы и другие произведения, опубликованные в журнале «Город». – Тольятти: Литературное агентство В.Смирнова, 2013. – С. 135 – 172.

2. *Леванов В.* Кровавые барыни Дарьи Салтыковой, московской столбовой дворянки, правдоподобное и елико возможно достоверное жизнеописание // Вадим Леванов. Пьесы и другие произведения, опубликованные в журнале «Город». – Тольятти: Литературное агентство В.Смирнова, 2013. – С. 189 – 234.
3. Житие Блаженной Ксении Петербургской [Электронный ресурс] // Svjatye.ru: Сайт Святые России. URL: <http://www.svjatye.ru/osobo-pochitaemye/blazhennaya-kseniya-peterburgskaya.html> (дата обращения 15.05.2014).
4. *Горбачева Н.* Ксения Петербургская. – М.: Олимп, 1995. – 200 с.

THE DOCUMENT AND ITS INTERPRETATION IN VADIM LEVANOV'S PLAY «THE LIFE OF ST.XENIA OF ST.PETERSBURG»

T.V.Zhurcheva

The article is devoted to the first part of Vadim Levanov's historical diptych *The Life of Xenia of St.Petersburg*. The play is based on the information contained in the canonical biography of Xenia. The author examines historical and legendary facts that are known from the biography of the Saint. They correspond to the playwright's trend of thought arising in the course of interpretation of these facts. As a result, the conclusion is drawn about the singular manner in which Levanov works with the document.

Key words: Vadim Levanov, Xenia of St.Petersburg, a marginal scenes play, document, interpretation.

1. *Levanov V.* Svyataya blazhennaya Kseniya Peterburgskaya v zhitii. P'esa v kleymakh // Vadim Levanov. P'esy i drugie proizvedeniya, opublikovannye v zhurnale «Gorod». – Tol'yatti: Literaturnoe agentstvo V.Smirnova, 2013. – S. 135 – 172. (In Russian)
2. *Levanov V.* Krovavyya baryni Dar'i Saltykovoy, moskovskoy stolbovoy dvoryanki, pravdopodobnoe i eliko vozmozhno dostovernoe zhizneopisanie // Vadim Levanov. P'esy i drugie proizvedeniya, opublikovannye v zhurnale «Gorod». – Tol'yatti: Literatur-

noe agentstvo V. Smirnova, 2013. – S. 189 – 234. (In Russian)

3. Zhitie Blazhennoy Ksenii Peterburgskoy [Elektronnyy resurs] // Svjatye.ru: Sayt Svyatye Rossii. URL: <http://www.svjatye.ru/osobo-pochitaemye/blazhennaya-kseniya-peterburgskaya.html> (data obrashcheniya 15.05.2014) (In Russian)
4. *Gorbacheva N.* Kseniya Peterburgskaya. – M.: Olimp, 1995. – 200 s. (In Russian)

Журчева Татьяна Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета.

443011, Россия, Самара, ул. Академика Павлова, 1.
E-mail: zhurcheva@mail.ru

Zhurcheva Tatiana Valentinovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Samara State University.

1 Academician Pavlov Str., Samara, 443011, Russia
E-mail: zhurcheva@mail.ru

Поступила в редакцию 10.06.2014